

З А М Ъ Т Н А

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

О К А З А Ч Е С Т В Ъ .

Въ январьской книжкѣ «Военнаго Сборника», помѣщенъ первый отдѣлъ статьи: «По поводу открытія комитетовъ для пересмотра положенія о казачьихъ войскахъ», подъ особымъ заглавіемъ: «О казачествѣ какъ военной силѣ». Когда появятся послѣдующіе отдѣлы статьи, тогда найдемъ въ ней, можетъ быть, многосторонній, болѣе или менѣе полный очеркъ русскаго казачества; но это еще впереди, а теперь надо удовольствоваться первымъ отдѣломъ, заглавіе котораго показываетъ, что тутъ рѣчь идетъ только объ одной сторонѣ предмета и что, въ этомъ отдѣлѣ, казачество разсматривается собственно какъ *военная сила*, какъ особый, своеобразный родъ иррегулярнаго войска.

Для подобнаго обзора можно считать достаточными тѣ рамки, въ которыхъ, обыкновенно, вмѣщаются спеціальныя сужденія о войскахъ регулярныхъ. Авторъ, вообще, такъ и сдѣлалъ, — одна-кожъ, не вездѣ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, рамки какъ-то раздвинулись, и даже далеко. Такія отступленія отъ программы, обусловленной заглавіемъ, довольно обыкновенны въ беллетрическихъ сочиненіяхъ, и тамъ на нихъ никто не обращаетъ вниманія; напротивъ, за все лишнее читатель готовъ сказать спасибо, но въ настоящемъ случаѣ, по сущности предмета статьи, не слѣдовало бы выходить изъ рамокъ.

Между понятіями о казачьемъ *войскѣ* и казачьемъ *сословіи* существуетъ такая естественная и неразрывная связь, что, рассматривая войско, легко можно впасть въ сужденія о *сословіи*; а это неудобно, потому что на ряду съ вопросами чисто военными можно поднять вопросъ, подлежащій соображеніямъ государственнымъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ, наполненномъ сужденіями о казачьемъ обмундированіи, вооруженіи, сѣдловкѣ и т. п., читатель встрѣчаетъ совершенно неожиданно слѣдующій многозначительный афоризмъ: *что казачество нужно Россіи не какъ сословіе, а какъ оружіе* (стр. 204), и, по прочтеніи этого круглаго періода, вправѣ спросить: «неужели по одинаковымъ соображеніямъ можно опредѣлить и то, что нужно *казаку*, и то, что нужно *Россіи*?»

Будь этотъ афоризмъ высказанъ гдѣ либо отдѣльно, не такъ положительно и не въ статьѣ о казачествѣ, мы бы не видѣли никакой надобности въ указаніи такого отрывочнаго заключенія и еще менѣе въ гласной о немъ полемикѣ. Но, прослѣдивъ со вниманіемъ содержаніе отдѣла «О казачествѣ какъ военной силѣ», мы, съ своей стороны, находимъ, что помѣщенный тамъ афоризмъ имѣетъ связь съ прочими сужденіями, обуславливаетъ ихъ смыслъ, составляетъ главное звѣно и ключъ всего отдѣла, — вѣроятно, и всей статьи, хотя продолженіе ея еще неизвѣстно. Вотъ почему не то, что вмѣстилось въ рамки, соотвѣтствующія заглавію перваго отдѣла, а *то, что вышло изъ этихъ рамокъ*, будетъ предметомъ нашего разбора.

Искренно желаемъ, чтобы публика и авторъ статьи видѣли въ нижеслѣдующихъ строкахъ ничто иное, какъ желаніе выяснитъ истину по вопросу важному и, взаимнымъ обмѣномъ мыслей, содѣйствовать общественной пользѣ.

Да простятъ намъ читатели слишкомъ простое, извѣстное, пожалуй, избитое замѣчаніе: что подробное и точное опредѣленіе нѣкоторыхъ техническихъ терминовъ (наименованій) чрезвычайно упрощаетъ полемику, а иногда отстраняетъ и самую возможность спора. Ускользящее отъ точнаго опредѣленія значеніе словъ: *прекрасное, изящное, юморъ, комизмъ* и т. п., даетъ поводъ къ множеству споровъ въ литературѣ и искусствахъ; напротивъ того, одинаковое пониманіе всѣми терминовъ математики есть одна изъ главныхъ причинъ того, что въ этой

наукѣ или нѣтъ споровъ, или они оканчиваются всегда положительно и съ пользою для науки. Само собою разумѣется, что подобной точности нельзя требовать во всѣхъ предметахъ, во всякой журнальной статьѣ; но если статья важна, какъ, напримеръ, отдѣлъ «О казачествѣ какъ военной силѣ», то, конечно, полезно опредѣлить съ возможною точностію, какое именно значеніе мы придаемъ словамъ: *казаки*, *казацье войско* и *казацье сословіе*. Попытаюсь это исполнить.

Русскій казакъ, по моему понятію, есть уроженецъ отдѣльной области, все населеніе которой обязано военной службой, по вызову правительства, и подчинено своеобразному военному устройству, сложившемуся силою историческихъ событій, согласно съ нравами, обычаями, воинственнымъ характеромъ жителей и преданіями ихъ старины. Казакъ, съ молокомъ матери, всасываетъ уже охоту и способность къ иррегулярной военной службѣ. Онъ растетъ въ военной стихіи среди многообразныхъ картинъ военной жизни, къ которой привлекаютъ его впечатлѣнія дѣтства, игры съ ровесниками, отроческія занятія, легенды и рассказы объ удалствѣ, подвигахъ и славѣ предковъ. При способностяхъ, полученныхъ отъ природы и свободно развивающихся, при состязаніи съ одностаничниками и наставленіяхъ опытныхъ воиновъ, молодой казакъ пріобрѣтаетъ мало по малу качества, приемы и навыки, необходимые для иррегулярнаго воина, дѣлается отличнымъ наѣзникомъ, рубакою, стрѣлкомъ, удалцомъ въ однихъ и осторожнымъ въ другихъ случаяхъ, смѣтливымъ всегда и постоянно терпѣливымъ при невзгодахъ и лишеніяхъ. Однимъ словомъ, воспитавшись въ живой, кипучей средѣ казачества и проникнувшись вѣковымъ его духомъ, онъ воинъ по призванію, по страсти и до самыхъ преклонныхъ лѣтъ готовъ на службу.

Очевидно, что лучшій регулярный солдатъ не замѣнитъ казака, и обратно. Различіе между ними то же самое, что между искусствомъ и природою. Солдата можно образовать изъ каждаго русскаго подданнаго, казака нельзя создать никакими искусственными средствами. Онъ образуется не иначе, какъ въ своей родной воинственной области, въ средѣ казачества. Въ общей гражданской средѣ казакъ могъ бы быть милиціонеромъ, ополченцемъ, волонтеромъ и даже иррегулярнымъ воиномъ другаго рода, но пересталъ бы уже быть казакомъ и не замѣнилъ бы казака.

Вотъ мое понятіе о *казакахъ*.

Авторъ очерчиваетъ его слѣдующимъ образомъ: «что есть казакъ? воплощеніе удалства, хитрости и стоицизма» (стр. 203), и далѣе (стр. 204) присовокупляетъ: «найдите мнѣ казака, скажу болѣе: русскаго человѣка, который не удалецъ, не хитеръ и.....» читателю предоставляется досказать: *не стоикъ*. Это опредѣленіе выражено въ блестящей формѣ; но, къ сожалѣнію, оно ничего не опредѣляетъ. Принявъ его буквально, придемъ къ заключенію, что вся Россія (хотя бы только отъ Архангельска до Херсона и отъ Пскова до Уральска) составляетъ одну казачью область и что всѣ мы казаки. Да, всѣ, потому что авторъ признаетъ каждого изъ насъ *удальцомъ, хитрымъ* и... разумѣется, *стоикомъ*. Можно бы сдѣлать еще и другой выводъ: исторія свидѣтельствуетъ, что *стоицизмъ* возникъ и укрѣпился у древнихъ Грековъ, *хитростію* они отличались во всѣ времена, до того, что она перешла въ пословицу, въ Грекахъ *удальцахъ* также не было недостатка, особенно въ славную эпоху отъ Язона до смерти Александра Великаго; слѣдовательно, въ древней Греціи были уже казаки?...

Русское казачье войско состоитъ изъ казаковъ, раздѣленныхъ на сотни и полки. Первые составлены изъ одностаничниковъ, вторые — изъ родичей, земляковъ. Какъ по особенностямъ личности каждаго воина, такъ и по однородности состава частей, казачье войско неоспоримо имѣетъ много такихъ нравственныхъ и физическихъ достоинствъ, которыя развиты въ немъ болѣе, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ, напримѣръ: любовь къ родной сотнѣ, рвеніе поддержать ея честь и славу, благородное соревнованіе родичей, при дружномъ ихъ единствѣ и готовности къ взаимной выручкѣ, общая смѣтливость, проворство, удалъ, терпѣливая выносливость трудовъ и лишеній и т. п.

Въ военномъ отношеніи, существенную цѣль и главнѣйшую задачу войны составляетъ бой, успѣхъ котораго требуетъ постоянного обученія и, слѣдовательно, содержанія войскъ въ мирное время, правильнаго строя и искусства, основаннаго на наукѣ, а потому для рѣшительнаго боя предназначаются *регулярныя* войска, а не казаки. Въ періоды частыхъ или продолжительныхъ войнъ, закаленные опытомъ, старыя казачьи войска, совершенствуясь въ иррегулярномъ дѣйствіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаютъ отчасти свойства регулярныхъ войскъ и употреб-

ляются иногда для рѣшительнаго боя. Они прославились и на этомъ поприщѣ многими блистательными подвигами; но это не есть настоящее ихъ назначеніе. Въ разнообразной драмѣ войны, кромѣ сраженій, есть много другихъ необходимыхъ и весьма важныхъ дѣйствій, для исполненія которыхъ лучшее войско — казаки, какъ-то: развѣдываніе о непріятелѣ, содержаніе передовыхъ постовъ, конвоированіе различныхъ транспортовъ, партизанскія дѣйствія, малая война и т. п. Всѣ эти употребленія казаковъ доставляютъ, сверхъ того, возможность сберегать регулярную армію и располагать всѣми ея войсками въ сраженіи, что даетъ, конечно, важное преимущество надъ непріятелемъ.

Въ мирное время, казаки составляютъ многочисленное войско, часть котораго наряжается на внутреннюю службу въ различные мѣста обширнаго государства, устраняя тѣмъ надобность содержанія такого же числа регулярныхъ войскъ, между тѣмъ, какъ другая часть казачьяго войска, не вызванная на службу, не стоитъ казніѣ особыхъ издержекъ, не требуетъ спеціальнаго обученія и, при первомъ вызовѣ, является обмундированная, съ оружіемъ и лошадьми, въ полной готовности къ войнѣ. Это опять весьма важныя выгоды какъ для арміи, такъ и для государства.

Конечно, если другія арміи обходятся безъ казаковъ, то и наша могла бы ихъ не имѣть; но тогда бы она лишилась и тѣхъ (указанныхъ выше) выгодъ, которыя они ей доставляютъ, а выгоды эти такъ велики, что отказаться отъ казаковъ значило бы, говоря примѣрно, то же самое, что не взять на войну кавалеріи, когда она есть и можетъ быть полезна противъ непріятеля, или выступить въ походъ съ гладкоствольными ружьями, когда въ арсеналахъ имѣются нарѣзные. Что же касается замѣны казаковъ другимъ родомъ войска, то всѣ извѣстныя до нынѣ формы организациі регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ не пригодны въ Россіи для достиженія тѣхъ выгодъ, которыя изстари она имѣетъ отъ казаковъ. Не замѣнить ихъ никакая милиція — въ родѣ швейцарской или американской, никакое ополченіе — въ родѣ гверильсовъ, никакой корпусъ волонтеровъ — наподобіе англійскихъ, потому что всѣ эти формы имѣютъ не тѣ жизненныя условія, которыя сложились у насъ и укрѣпились вѣковымъ опытомъ. Наше казачье войско, такъ, какъ и каждый его членъ — казакъ, не создано искусственными сред-

ствами: оно можетъ существовать только въ своей родной казачьей области, въ средѣ казачества.

Мнѣніе автора о казачьемъ войскѣ заключается въ его мнѣніи о казачьемъ сословіи и потому будетъ разсмотрѣно ниже.

Казачье сословіе, по моему разумѣнію, можетъ быть сравнено съ деревомъ, котораго вѣтви и листья составляютъ казачьи войска и казаки. Пока вѣтви не засохли, пока молодые листья не блекнутъ, мы вправѣ вѣрить, что дерево здоровое; мы должны желать, чтобы оно поддерживалось всѣми рациональными средствами, доколѣ это возможно.

Во вниманіи къ пользѣ казачьяго сословія для государства и казачьяго войска для арміи, правительство наше съ особенною заботливостію печется объ этомъ древнемъ, чисто славянскомъ учрежденіи. Не довольствуясь этимъ, оно, въ разныя времена, пересаживало вѣтви стараго казачества на другія почвы, и отростки укрѣпились вездѣ съ успѣхомъ. Молодые казачьи войска, сохраняя въ памяти славу предковъ, вырабатываютъ себѣ собственными подвигами и заслугами новую исторію; но жизненные условія ихъ существованія тѣ же самыя, какъ въ старыхъ войскахъ и какъ они сложились въ старину, при самомъ образованіи казачества: особая область, исключительно военное устройство и общественная жизнь въ собственной казачьей средѣ.

Но скажутъ мнѣ, что все въ мірѣ измѣняется, все идетъ впередъ, къ прогрессу: неужели казачество должно оставаться всегда при нынѣшнемъ устройствѣ и вѣковыхъ условіяхъ? Не колеблясь, отвѣчаю: нѣтъ! Я далекъ отъ желанія какого бы то ни было застоя; но когда рѣчь идетъ о прогрессѣ или движеніи, то, по моему мнѣнію, прежде всего надо быть увѣреннымъ, что дѣло пойдетъ впередъ и, по крайней мѣрѣ, что оно не пойдетъ назадъ. Еслибъ найдено было средство, при другомъ устройствѣ казачества, достигнуть большей или хотя той же самой пользы, которую оно доставляетъ теперь, то нѣтъ сомнѣнія, что это устройство было бы принято. Будутъ ли когда нибудь измѣнены нынѣшнія жизненные его условія, это покажетъ время; для примѣрнаго же соображенія, взглянемъ на ходъ того же дѣла въ другомъ государствѣ.

Славянамъ болѣе, чѣмъ другимъ народамъ, приходилось испытывать и удерживать набѣги Турокъ. Могущество сихъ послѣднихъ было такъ грозно и набѣги такъ часты, что постоянное

присутствіе сторожеваго воинства на границахъ сдѣлалось необходимымъ, и вотъ почти въ одно время явились, на двухъ различныхъ пунктахъ, два славянскія учрежденія, извѣстныя нынѣ подъ названіемъ: русскихъ казаковъ и австрійскихъ *граничаръ*, или жителей *военной границы*.

То и другое имѣло первоначально совершенно одинаковую цѣль и почти одинаковое устройство. Цѣль утратила свое значеніе послѣ ослабленія опаснаго врага, а самое учрежденіе, въ главныхъ основаніяхъ, сохранилось до нашего времени. Оба правительства оцѣнили всю важность этихъ учреждений и, придавъ болѣе правильную организацію воинственнымъ дружинамъ, стали употреблять ихъ въ европейскихъ войнахъ. Отъ мѣстныхъ обстоятельствъ возникла, современемъ, только та разница, что Австрія мало по малу обратила граничаръ въ регулярныя войска, составляющія теперь лучшую часть ея арміи, а Россія нашла болѣе выгоднымъ имѣть изъ казаковъ хорошее иррегулярное войско.

Обратимся теперь къ разсматриваемому отдѣлу.

«На ряду съ силой, подчиненной, въ устройствѣ и постоянно развитіи, общей военной наукѣ — говоритъ авторъ (стр. 202) — есть другая, возникшая отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, по исторической необходимости или вслѣдствіе какой нибудь случайности. Такая сила есть сила своеобразная, не созданная наукою, слѣдовательно не развивающаяся и не совершенствующаяся съ нею; ей нѣтъ образца, и она не можетъ служить образцомъ.» Это совершенно справедливо; но, соглашаясь съ авторомъ въ главной мысли, я позволю себѣ частное замѣчаніе. Если въ старину казакъ стрѣлялъ дурнымъ порохомъ изъ самопала, а теперь можетъ употреблять хорошій порохъ и нарѣзное оружіе, если прежде казачьи войска не имѣли собственной артиллеріи, а теперь ее имѣютъ, если въ старину казачій отрядъ слѣдовалъ нѣсколько мѣсяцевъ къ театру войны, а теперь безъ изнуренія лошадей можетъ прибыть туда по желѣзной дорогѣ въ нѣсколько дней, если образованный казачій офицеръ, при развѣдываніи о неприятлѣ, можетъ не только осмотрѣть мѣстность, но и составить глазомѣрный ея планъ и т. д., то мнѣ кажется, что хотя иррегулярная сила (войско) и не создана наукою, однакожъ, наука, расширяя кругъ дѣйствій этой силы и указывая, какъ ее употреблять съ большею пользою, неоспоримо возвышаетъ ея значеніе.

«Иррегулярная сила — продолжаетъ авторъ — возникшая отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, поддерживается обстоятельствами, родившими ее», выводя этотъ афоризмъ изъ другаго: что регулярная сила, созданная наукой, поддерживается наукой, «слѣдовательно, если обстоятельства, родившія казачество, миновались, казачество должно пасть.... и то, что должно пасть, не слѣдуетъ поддерживать искусственными средствами.... Донское войско есть аномалія, потому что расположено внутри Имперіи; оно же родилось отъ необходимости оберегать границы оной.... Единственное войско, для котораго еще существуютъ обстоятельства, родившія его, есть Кавказское линейное. Итакъ, единственно это войско и требуетъ поддержки....»

Къ счастью, авторъ оговариваетъ тутъ же: «что хотя эти выводы на первый взглядъ кажутся логичными, хотя они, въ последнее время, встрѣтили много сторонниковъ между почтенными специалистами въ военномъ дѣлѣ, однакожь, онъ считаетъ ихъ односторонне построенными и поэтому переходящими въ область софизма».

Послѣ такого оужденія сказанныхъ выводовъ, изложено и самое ихъ опроверженіе, которое выписываемъ здѣсь отъ слова до слова:

«Человѣчество не нашло еще средствъ рѣшить нѣкоторые вопросы иначе, какъ войною; слѣдовательно, въ сущности, обстоятельство, породившее казачество, то есть *война*, существуетъ на бѣломъ свѣтѣ; она только отдалилась отъ границъ нѣкоторыхъ казачьихъ общинъ, но можетъ возгорѣться на грани общаго отечества казаковъ — Россіи. Если же до сихъ поръ Россія, какъ и всякое другое государство, подвержена случайностямъ войны, то казачество ей необходимо въ добавокъ къ регулярной силѣ, потому что она можетъ имѣть дѣло со страной, которой войска также будутъ подкрѣплены своимъ національнымъ, иррегулярнымъ элементомъ. Ясно, что историческая необходимость, породившая казачество, еще существуетъ; слѣдовательно, она и поддерживаетъ оное.»

Еслибъ выводы, о которыхъ идетъ рѣчь, были сдѣланы мною, то сознаюсь откровенно, что приведенное здѣсь опроверженіе ихъ нисколько бы не измѣнило моего убѣжденія. Что «*человѣчество не нашло еще средствъ рѣшить нѣкоторые вопросы иначе, какъ войною*», это неоспоримая и никѣмъ не оспориваемая

истина. Что «*война существуетъ на блѣмѣ свѣтъ*», это—уввы! — также не подлежитъ сомнѣнію; но по дѣламъ этой бѣды приняты всѣми государствами мѣры: они содержатъ регулярныя арміи и обходятся безъ казаковъ, которыхъ имѣетъ одна только Россія. Наполеонъ I, въ продолженіе всего блистательнаго періода побѣдъ, не имѣлъ никакихъ иррегулярныхъ войскъ; Фридрихъ Великій, Тюренъ и другіе тоже ихъ не имѣли; да, наконецъ, въ настоящее время, гдѣ же они? и много ли ихъ въ Западной Европѣ?... Слѣдовательно, опровергая такъ слабо означенные выводы, авторъ только болѣе утверждаетъ читателей въ мнѣніи, будто бы время казачества дѣйствительно миновалось. Да можно ли иначе и думать, когда самъ авторъ говоритъ, что казачество необходимо Россіи въ *добавокъ* (только!) къ регулярной силѣ, и то не во всякой войнѣ, а только въ томъ случаѣ, когда противникъ имѣетъ національныя иррегулярныя войска, слѣдовательно только при встрѣчѣ съ Турками, потому что, въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ, мы ни въ одной изъ другихъ войнъ не имѣли противъ себя иррегулярныхъ войскъ. Гдѣ же тутъ необходимость русскаго казачества? Нѣтъ, не общими сужденіями, относящимися до всего человѣческаго рода, должно опровергать неудачные выводы, относящіеся собственно къ казачеству, а сужденіями, основанными на дѣйствительныхъ интересахъ русскаго государства и русской арміи. Тамъ, гдѣ казачество не сложилось, тамъ его и нѣтъ; у насъ же оно создано не искусственными средствами, а силою событій и времени. Событія эти давно миновались: постоянная защита своихъ пепелищъ не озабочиваетъ болѣе казака; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что казачество должно пасть, что его не должно поддерживать, что донское войско *аномалія* и казачество *анакронизмъ*. Только у дикихъ народовъ, по минованіи *событій, обстоятельствъ* или *случая*, предается забвенію, не поддерживается и разрушается все то, что было создано или вызвано ихъ силою; у народовъ образованныхъ — исторія сохраняетъ *идеи, основанія* и *условія*, сложеніе и развитіе всякаго случайно возникшаго учрежденія, и, пока эти историческія данныя могутъ быть примѣняемы къ дѣлу, разрабатываемы и совершенствуемы, до тѣхъ поръ не уничтожается и самое учрежденіе, а поддерживается и совершенствуется. Событія, породившія казачество, миновались; но первоначально сложившіяся условія и основы его обратились въ исто-

рическія данныя и *руководство*, въ пользу котораго не было повода усомниться донинѣ. Вотъ почему въ устройствѣ казачества допускались всѣ частныя переиѣны, соотвѣтствующія требованіямъ времени; но главныя и, такъ сказать, жизненныя условія были ненарушимо сохраняемы. Устройство австрійской военной границы подверглось болѣе значительнымъ преобразованіямъ; но и тамъ главныя основанія не измѣнились.

Слабо защищая необходимость казачества какъ сословія, авторъ почти вслѣдъ за этимъ говоритъ: (стр. 204) «что современные казаки отстаютъ въ военномъ отношеніи отъ казаковъ 12 года, не подлежитъ сомнѣнію; но, разбирая причины такого упадка, мы дойдемъ только до сознанія, что искусственныя средства, употребленныя для поддержки казачества, и были, можетъ быть, причиною этого упадка». Заключение, что современные казаки не могутъ сравниться съ казаками 12 года, требуетъ еще доказательствъ; но допустивъ даже, что оно вѣрно, то и тогда не вижу никакого *упадка* и не могу дойти до сознанія, что искусственныя средства (носка *штановъ*, форменность одежды и вооруженія, сѣдловка и т. п.) были причиною этого упадка. По моему мнѣнію, *упадка* тутъ вовсе нѣтъ, а причина низшаго достоинства казаковъ, если это, дѣйствительно, существуетъ, весьма естественна, весьма понятна. Считая періодъ казачьей боевой службы даже 25 лѣтъ (что допустить трудно), оказывается, что казаки, выступившіе на Дунай въ 1853 году, могли быть прежде въ войнахъ: Венгерской, Польской и Турецкой, а казаки 1812 года, въ войнахъ: Турецкой (1806—1812), Шведской (1808—1809), въ Польшѣ и Пруссіи (1806—1807), въ Австріи (1805), въ Италіи и Швейцаріи (1799), въ Персіи (1799), въ Польшѣ (1794).

Разница довольно большая въ числѣ, продолжительности и свойствахъ войнъ. Но если, вмѣсто 25 лѣтъ, положимъ только 20, что гораздо вѣрнѣе, то на долю казаковъ 1853 года остается одинъ только, весьма непродолжительный, Венгерскій походъ, между тѣмъ, какъ на долю казаковъ 1812 года останутся всѣ поименованныя войны съ 1794 по 1812 годъ. Удивительно ли, что казаки 1812 г., закаленные опытомъ многихъ и весьма трудныхъ войнъ, могли быть лучше казаковъ 1853 года, не имѣвшихъ почти никакого опыта?

Пора, однакожъ, оговорится: развѣ война 1853—1856 годовъ

была для казаковъ одинакова въ условіяхъ съ войною 1812 года? Мнѣ кажется, что та и другая войны имѣли разное и невыгодное для казаковъ различіе въ мѣстностяхъ, въ качествахъ непріятельскаго и нашего оружія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ былъ просторъ казачьему удалству, казаки и въ послѣднюю войну на Дунаѣ и въ Азіатской Турціи не уступали своимъ предкамъ; въ самой несвойственной образу службы ихъ крѣпостной оборонѣ подъ Севастополемъ, черноморскіе (пластуны) воскрешали всѣ доблести древняго казачества. Наконецъ, развѣ боевая жизнь кубанскихъ и терскихъ казаковъ не проявляетъ тѣхъ же славныхъ подвиговъ, которыми прославлялись прежніе казаки? Слѣдовательно, представсъ только для казаковъ сподручный случай, онъ непремѣнно будетъ искрою для пороховой природы ихъ.

По теоріи автора, *облеченной въ практичность* (стр. 207), падающее казачье войско можно еще поддержать измѣненіемъ нѣкоторыхъ правилъ насчетъ обмундированія, вооруженія и сѣдловки, уничтоженіемъ войсковыхъ конскихъ заводовъ и случныхъ конюшенъ и дозволеніемъ носить борола, которая казaku такъ же необходима, какъ Французу имперіалка, а итальянскому волонтеру—шляпа съ перомъ (стр. 208). Изъ этого видно, что для войска есть спасеніе; но о казачьемъ *сословіи* находимъ два слѣдующія заключенія: (стр. 204) приведенное уже выше: «что казачество нужно Россіи не какъ сословіе, а какъ оружіе», и второе, на стр. 207, гдѣ авторъ *заявляетъ убѣжденіе свое о противоположности началъ, на которыхъ должно быть устроено казачество какъ сословіе и поддержано казачество какъ оружіе*».

Афористическая форма весьма заманчива и особенно соблазнительна. По какимъ-то непостижимымъ свойствамъ нашего духа, всякое сжатое, блестящее и энергическое заключеніе, котораго мы вдругъ не можемъ разжсвать, нравится намъ безсознательно. Напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ, какъ-то невольно хочется сказать: да, это совершенно вѣрно. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сабля же полезна солдату не какъ полоса *стали*, а какъ *оружіе*. Другое заключеніе также правильно: *устройство* (выдѣлка) стальной полосы, дѣйствительно, требуетъ если не строго противоположныхъ, то, ужь конечно, другихъ началъ или способовъ, нежели *поддержаніе* оружія (предохраненіе отъ порчи). Для од-

наго нужны сложныя заводскія работы, для другаго достаточны хорошія ножны, смазка саомъ и умѣнье обращаться съ оружіемъ. Къ счастію, заблужденіе такого рода не можетъ быть продолжительно. Нельзя же не опомниться, что, признавая пользу сабли какъ *оружія*, нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать не только пользу, но совершенную необходимость *стали* какъ металла, безъ котораго не было бы сабли, или замѣнить сталь другимъ металломъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столь же твердымъ, упругимъ и дешевымъ, чего до настоящаго времени еще не удалось достигнуть. Обращаясь къ другому афоризму, оказывается также, что, дабы саблю какъ оружіе предохранить отъ порчи, необходимо озаботиться прежде о томъ, чтобы сталь, изъ которой оружіе сдѣлано, имѣла свойства и достоинства, допускающія и даже облегчающія это предохраненіе. Слѣдовательно, начала изготовленія стальной полосы и предохраненія сдѣланнаго изъ ней оружія не только не могутъ быть противоположны, но, напротивъ, должны быть соглашены. При этомъ, разумѣется, изготовленіе стали должно быть подчинено условіямъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее оружіе, а не наоборотъ. Наконецъ, сличая между собою оба афоризма, легко замѣтить, что они едва ли не противорѣчатъ другъ другу. Изъ перваго какъ-то просвѣчиваетъ мнѣніе, что *казачество какъ сословіе* не нужно Россіи; изъ втораго же можно полагать, что оно нужно для той же Россіи и только должно быть устроено на началахъ, противоположныхъ тѣмъ, на которыхъ надлежитъ поддерживать *казачество какъ оружіе*.

По моему мнѣнію, устройство каждаго сословія обуславливается общимъ принципомъ: что государственный интересъ—выше всѣхъ частныхъ и сословныхъ, и что каждое лицо и сословіе обязаны священнымъ долгомъ приносить отечеству *наибольшую*, по возможности, *пользу*. При утвердившихся у насъ, опытомъ вѣковъ, главныхъ условіяхъ устройства казачьяго сословія, эта цѣль достигается, а потому условія эти необходимо сохранить неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока новый опытъ не укажетъ другихъ условій, обещающихъ ббльшую пользу, не для сословія, а для государства.

* * *